

Минг Шу сразу же подумал о Линь Сючжи.

Почему его рука дрогнула, когда он услышал имя Ша Чунь? Почему он смотрел, явно нервничая, пока технические следователи собирали информацию об учителях?

— Но это было бы еще сложнее, чем то, что мы только что обсуждали, — сказал Сяо Юань. — Если смерть Ша Чунь была убийством, то мы можем сократить круг подозреваемых до Цюй Синя и части учителей и учеников из мастерской Ша Чунь. Почти все убийства совершаются на почве сильного чувства злобы. Но если Ша Чунь покончил жизнь самоубийством, тогда у нас на руках противоречие.

Минг Шу крепко зажмурил глаза. Слушая анализ Сяо Юаня, он вспоминал каждую деталь речи и поведения Линь Сючжи.

— Для обычных людей убийство — это преступление. Если их поймут, они поплатятся собственной жизнью. Лишь небольшой процент людей способен на убийство. Независимо от того, хотела ли Ша Чунь умереть или нет, человек, задушивший ее, обозначил себя как убийцу. Он будет тем, кто заплатит за это. "Помощник" в ее гипотетическом самоубийстве должен был столкнуться с огромным давлением от убийства кого-то, а также с давлением того, что его могут поймать и наказать.

Сяо Юань осторожно постучал концом ручки по тетради.

— Даже под угрозой этих двух давлений, этот "помощник" был готов помочь Ша Чунь совершить самоубийство. Ша Чунь, должно быть, была важна для этого человека. Он был готовым пойти на риск ради нее.

Минг Шу поднял голову.

— Раз Ша Чунь была так важна для этого человека, как он мог убить ее? И были ли они важны друг для друга, или это была односторонняя одержимость? Ша Чунь не была любима на работе, и она не была исключительно талантлива. Если она была важна для этого человека, то и он, вероятно, был важен для нее. И даже если их не поймали, убийцы живут в страхе и опасениях до конца своих дней. Покончив с собой, Ша Чунь избежала всех проблем. Но этот "помощник" должен жить дальше. Его жизнь разрушена. Если бы этот человек был так важен для Ша Чунь, разве стала бы она эгоистично просить его зайти так далеко ради нее?

— Это именно то противоречие, о котором я говорил. Нам не хватает важного кусочка головоломки. Без этого кусочка все нелогично. — Сяо Юань покачал головой. — В настоящее время это дело ведет нас в двух направлениях. Это могло быть убийство, а могло быть самоубийство. Имеющиеся у нас улики указывают на убийство как на более вероятный и логичный ответ, но самоубийство...

Минг Шу подождал мгновение.

— Гэ, что ты хочешь сказать?

Сяо Юань ущипнул себя между бровями.

— Если мы сможем найти логическое объяснение этому противоречию, я буду более склонен считать, что Ша Чунь сама организовала свою смерть.

Цюй Синь владел двумя роскошными квартирами в городе. Одна из них находилась всего в десяти минутах езды на машине от театра Цзяньнань.

В ночь смерти Ша Чунь камеры наблюдения в соседней с театром квартире показали, что Цюй Синь вернулся домой в 22:37. Больше в тот вечер он никуда не выходил.

Но даже в таких элитных и роскошных жилых комплексах камеры наблюдения имели свои "слепые зоны". Если Цюй Синь точно знал, где они находятся, он мог пробраться обратно после возвращения домой, чтобы создать иллюзию, что он был дома всю ночь.

Минг Шу приказал техническим следователям продолжать изучать записи камер наблюдения в этом районе.

Во многих делах об убийствах записи камер наблюдения, сделанные в момент убийства, не дают критически важных доказательств. Но иногда более ранние записи с тех же камер могли дать представление о распорядке дня подозреваемого.

Просматривать бесчисленные часы записей с камер наблюдения было скучной и нудной работой. Все выглядели так, словно хотели заснуть, но технические следователи сосредоточенно просматривали записи, которые проигрывались в ускоренном режиме.

Вдруг Чжоу Юань хлопнул по кнопке паузы и закричал:

— Смотрите! Разве это не Ша Чунь?

После того как изображение было увеличено и улучшено, было подтверждено, что человек на видео — Ша Чунь.

В 19:01 29 мая Ша Чунь пришла в квартиру Цюй Синя. Она оставалась там в течение двух часов, а затем ушла. Все это время Цюй Синь не появлялся на видео. Он не вышел поприветствовать ее или проводить.

Примечательно, что состояние Ша Чунь, когда она пришла, и состояние, когда она ушла, сильно отличалось. Когда она пришла, она выглядела вполне спокойной. Возможно, даже немного счастливой или взволнованной. Но когда она уходила, ее поза и выражение лица

излучали уныние и отчаяние. Камеры даже засняли, как она вытирает глаза салфеткой. Она выглядела несчастной, словно пережила разрушительный удар.

Счастье превратилось в уныние. Наверное, это как-то связано с человеком, которого она встретила.

Во время допросов сотрудников отдела традиционных инструментов никто не упомянул об отношениях между Цюй Синем и Ша Чунь. Сам Цюй Синь также утверждал, что он и Ша Чунь не были хорошо знакомы друг с другом.

— Похоже, вы и Ша Чунь не были так "незнакомы", как вы утверждали, — сказал Минг Шу.

Он повернул планшет и показал Цюй Синю запись с камеры наблюдения от 29 мая.

Цюй Синь посмотрел на планшет. Минг Шу не сводил с Цюй Синя взгляда.

В отличие от большинства сотрудников отдела народных инструментов, Цюй Синь явно был "артистом". И выглядел соответствующе. На нем был черный костюм, три верхние пуговицы рубашки были расстегнуты. Ожерелье каскадом ниспадало на ключицы. Его волосы были длиннее, чем у обычного мужчины; они были собраны в свободный пучок с черной заколкой.

— Однажды Ша Чунь посетила ваш дом и пробыла там два часа, — сказал Минг Шу. — Что вы делали в течение этих двух часов?

Цюй Синь закончил просматривать запись с камеры наблюдения, а затем неожиданно улыбнулся.

— Что мы делали? Конечно, мы обменивались своими мыслями о искусстве.

— Обменивались мыслями. Каким образом? — спросил Минг Шу, не обращая внимания на странную реакцию Цюй Синя. — Поскольку вы с Ша Чунь были в достаточно хороших отношениях, чтобы она посетила ваш дом для обмена мыслями, вы не должны были быть "незнакомы" с ней. Мы не заметили, чтобы кто-то из других ваших коллег посещал ваш дом.

Цюй Синь все еще улыбался. Он сложил руки под подбородком.

— Я кое-что понял.

— Да? И что же? — сказал Минг Шу.

— Ша Чунь уже мертва. Что бы я сейчас ни сказал, у вас не будет возможности доказать,

правду я говорю или нет. Верно? — Цюй Синь выжидающе поднял брови. — Вы можете только решить верить мне или не верить. А вы уже считаете меня подозреваемым, поэтому, что бы я ни сказал, вы мне точно не поверите.

— Следи за своим поведением! — свирепо предупредил Фан Юаньхан.

— Моим поведением? — Цюй Синь откинул голову назад и рассмеялся, а затем посмотрел на Фан Юаньхана с презрением в глазах. — Такой ничтожный плебей, как ты, смеет делать мне замечания о моем отношении?

— Я действительно считаю вас подозреваемым, — подтвердил Минг Шу. — Но у нас с тобой разный объем информации. Я не могу знать наверняка, являетесь ли вы убийцей Ша Чунь, но вы-то знаете. Что касается того, кто убил Ша Чунь, то вы более надежный источник информации, чем я. Ваши слова имеют больший вес, чем мои догадки. Кроме того, вы не единственный подозреваемый. Так почему вы считаете, что я не поверю вашим словам?

Когда Минг Шу произнес эти слова, Фан Юаньхан тихо запротестовал. Цюй Синь тоже замер. Выражение безудержного отвращения на его лице на мгновение пошатнулось.

— Я не так уж многого хочу от вас, — продолжал Минг Шу. — Я лишь хочу знать, что Ша Чунь делала у вас дома? И что вы о ней думаете?

Он сделал паузу и обвел взглядом комнату, в которой они находились.

— Оглянитесь вокруг себя. Это простой допрос, а не дознание. Я не вызвал вас на официальный допрос, потому что хотел бы услышать, что вы скажете, прежде чем решать, как действовать дальше.

Цю Синь с подозрением посмотрел на Минг Шу. Казалось, он думал, что этот детектив не такой, каким он его себе представлял.

Минг Шу не стал торопить его. Он подождал, пока Цюй Синь успокоится, и только после этого двинулся с места. Минг Шу положил обе руки на стол и спросил:

— Вы согласны?

— Я пригласил Ша Чунь к себе домой, — сказал Цюй Синь. — Ее игра была просто ужасной. Все ее "старания" были бесполезны. Я просто не мог больше это терпеть.

— Вы планировали немного потренировать ее? — спросил Минг Шу.

— Вам, плебеям, нравится называть себя "старательными" и "трудолюбивыми", но когда эти

старания направлены не в ту сторону, вы просто тратите время и усилия впустую. — Цюй Синь холодно улыбнулся. — Ша Чунь была именно таким человеком. В тот день меня охватила внезапная прихоть. Я решил дать ей несколько советов. Когда я пригласил ее, она была в восторге. Вот дура.

— Это была просто прихоть?

— Хотите верьте, хотите нет, но да.

— Хорошо, — сказал Минг Шу. — Допустим, я тебе пока верю. Как прошел ваш "обмен" в тот день?

— Это подтвердило то, что я и так знал. Ша Чунь был пустой тратой места. — Цюй Синь провел рукой по волосам с видимым раздражением на лице. — Мне не стоило утруждать себя ее тренировками.

— Ты критиковал ее?

— Критиковал? Нет, я просто оказал ей любезность, сообщив, что ей нет смысла так усердно работать в будущем.

— После того дня, — продолжил Минг Шу, — у вас были еще какие-либо взаимодействия с Ша Чунь?

Цюй Синь покачал головой.

— Ей было слишком стыдно снова встретиться со мной.

— После выступления в субботу вечером вы не просили Ша Чунь встретиться с вами? — спросил Минг Шу.

— Зачем мне снова с ней встречаться? — Цюй Синь внезапно нахмурился. — Вы думаете, что я обманом заставил Ша Чунь пойти в Ассоциацию, пообещав снова учить ее? Думаешь, я убил ее там?

Минг Шу не ответил, но его глаза буравили Цюй Синя.

Через мгновение Цюй Синь снова холодно улыбнулся.

— Разве вы не говорили, что вам не так уж много от меня нужно? Но у вас довольно много вопросов. Если вы считаете, что я убил Ша Чунь, то проведите расследование и найдите

доказательства. Если вы сможете доказать, что это был я, накажите меня. Если не сможете... хах, тогда это доказывает, что вы все дураки. Прямо как Ша Чунь.

— Этот парень слишком самонадеян! — взорвался Фан Юаньхан, как только они покинули комнату для допросов. — Он рассчитывает на то, что мы не сможем найти никаких улик? Просто глядя на него, я вспоминаю Хоу Чэна. В конце концов, мы нашли доказательства преступлений Хоу Чэна, не так ли?

И Фэй наблюдал за всем ходом допроса на мониторе за пределами комнаты.

— Теперь я гораздо больше подозреваю Цюй Синя. Такой дерзкий и высокомерный человек, как он, может совершить такое, что обычные люди даже представить себе не могут.

— Если Цюй Синь не убийца, он мог бы просто объяснить нам все как следует. У него не было причин вести себя с нами так грубо. Это ему совсем не выгодно, — сказал Минг Шу. — "Если вы можете это доказать, накажите меня. Если не можете, то вы дураки". Такие разговоры, по сути, намекают на его вину.

Сказав это, Минг Шу предложил и другую точку зрения.

— Но все так, как ты и сказал. Такой высокомерный человек, как он, может делать вещи, невысказанные для обычных людей.

И Фэй нахмурил брови.

— Он играет с нами?

— Мы не можем исключать такую возможность, — сказал Минг Шу. Он попросил Фан Юаньхана принести ему бутылку холодного медового чая и выпил больше половины за один раз. — Этот человек очень хлопотный. Мы не можем просто проанализировать его обычными методами. Может быть, все, что он делает, это "по прихоти" или "просто так". Он пригласил Ша Чунь к себе домой в мае по прихоти. Может быть, сейчас он ведет нас в погоню за дикими гусями, как еще одна его прихоть.

Фан Юаньхан не совсем согласился с этим. Он настаивал:

— Но он действительно подозрителен.

— Верно, он подозрителен. Мы не можем не тратить время и ресурсы на его расследование, — сказал Минг Шу. Он сделал небольшую паузу, а затем продолжил: — Мы не можем ослабить расследование в отношении Цюй Синя, но если он не убийца...

И Фэй горько улыбнулся.

— Тогда это будет пустая трата наших ресурсов.

Пока искали Цю Сина, отдел тяжких преступлений продолжал проверять потенциальных подозреваемых из Цзяньцзя Байлу. Минг Шу обратил особое внимание на Линь Сючжи. Появились записи с камер наблюдения, опровергающие утверждения Ши Ханьшаня о том, что Линь Сючжи и Ша Чунь не имели ничего общего друг с другом.

Занятия каллиграфией и традиционной живописью проходили в гостинной. Только для курсов инструментов были отдельные классы. Ша Чунь всегда проходила через гостиную, когда приходила и уходила. Всякий раз, когда она появлялась, Линь Сючжи следил за ней глазами.

Поскольку их расписания не совпадали, Линь Сючжи мог видеться с Ша Чунь только по вторникам и субботам. Записи с камер наблюдения и показания студентов-каллиграфов доказывали, что Линь Сючжи часто проявлял инициативу, чтобы поговорить с Ша Чунь.

Линь Сючжи был студентом Университета изящных искусств города Донгье. Его финансовые записи показали, что он купил билеты на девять последовательных выступлений оркестра традиционных инструментов, все в мае того года.

— Билеты на эти девять представлений с выбранными вами местами стоили бы более 660 юаней каждый. Всего за девять представлений — почти 7000 юаней. Для такого студента, как ты, это не маленькие расходы, не так ли? — спросил Минг Шу. — Линь Сючжи, ты ходил на эти представления не для того, чтобы слушать музыку. Ты ходил, чтобы увидеть Ша Чунь.

— Это чушь! — Подбородок и горло Линь Сючжи напряглись.

Его лицевые мышцы, казалось, неконтролируемо дрожали. Его привели на допрос совсем недавно, а он уже обильно потел подмышками и на груди.

Он был не очень высоким мужчиной. На нем была дешевая рубашка, которая совсем не скрывала пот, стекающий с его бледной кожи. С головы до ног, изнутри и снаружи, он выглядел глубоко расстроенным.

Не так давно на этом же месте сидел Цюй Синь. По сравнению с Цюй Синем, Линь Сючжи нервничал слишком сильно. Каждая его реакция говорила детективам: Я убийца! Я жалею обо всем! Я напуган!

— Ваша семья не особенно обеспечена. Ты каждый год подаешь документы на стипендии и финансовую помощь, — продолжал Минг Шу. — До того как прийти на работу в Цзяньцзя Байлу, ты подрабатывал и в других подобных мастерских. Ваши коллеги и преподаватели говорят, что вы очень бережливы. Это видно по тому, как вы одеваетесь.

Минг Шу сложил руки вместе и наклонился вперед, слегка надавив взглядом на Линь Сючжи.

— Единственный раз, когда ты повел себя экстравагантно, это когда ты заплатил почти 7000 юаней за просмотр девяти почти одинаковых концертов. На это ушли все твои сбережения, заработанные тяжким трудом.

Зрачки Линь Сючжи сузились, и он начал дрожать.

— А до этого вы не проявляли особо сильного интереса к традиционной музыке. Когда вы начали работать в Цзяньцзя Байлу в марте, Ши Ханьшань подарила вам, учителю, несколько билетов на концерты народных инструментов в качестве бонуса. Что вы сделали с билетами? — риторически спросил Минг Шу, уже зная ответ.

Линь Сючжи не смог встретить взгляд Минг Шу. Он поспешно опустил глаза. Его губы дрожали.

— Вы продали их, — сказал Минг Шу. — Затем, чуть больше месяца спустя, вы заплатили из своего кармана, чтобы посмотреть девять концертов традиционной музыки. Как вы это объясните?

После минутного молчания Минг Шу продолжил:

— В апреле Ша Чунь начала работать в Цзяньцзя Байлу. Вы были очарованы и хотели увидеть ее выступление на сцене. Посмотрев один концерт, вы были еще больше очарованы. Вы не могли остановиться, вы не могли забыть ее.

— Нет, нет! — Линь Сючжи неистово затряс головой. — Это не то, что вы думаете!

— А что я думаю? — спросил Минг Шу.

Глаза Линь Сючжи покраснели. Сухожилия на его шее выпятились, словно могли взорваться в любую секунду.

— Вы смотрели девять выступлений Ша Чунь, — сказал Минг Шу. — Она об этом знала?

Линь Сючжи начал качать головой, потом передумал и яростно кивнул.

— Нет, Ша Чунь не знала, — сказал Минг Шу. — Ша Чунь не знала, что кто-то заплатил, чтобы увидеть ее выступление девять раз, и она не знала, что ты ее обожаешь. Ты тайно наблюдал за ней и восхищался ею издавна, чтобы она тебя не заметила. Позвольте мне предположить, почему.

— Стоп! Ты не должен больше ничего говорить! — внезапно зарычал Линь Сючжи. — Ты совсем ничего не понимаешь!

Минг Шу кивнул.

— Хорошо, я не понимаю. Тогда, может быть, ты объяснишь?

Линь Сючжи снова замолчал.

— У тебя низкая самооценка. Ты думал, что раз ты из бедной семьи, то не имеешь права преследовать Ша Чунь. Если бы ты признался, она бы точно отвергла тебя, — сказал Минг Шу. — Каждый раз, когда ты встречал ее в Цзяньцзя Байлу, ты пытался заговорить с ней. Но вы только обменивались случайными приветствиями, как коллеги.

Линь Сючжи крепко сцепил руки над столом. Его пятна пота становились все больше.

— Чем больше ты тосковал по Ша Чунь, тем больше верил, что недостаточно хорош для нее. Она была ослепительной богиней сцены, у нее была постоянная работа. У нее была квартира. А ты, с другой стороны, просто студент, который полагается на стипендии и финансовую помощь, чтобы остаться в школе. — Минг Шу начал говорить быстрее, а его взгляд становился пристальнее. — Внезапно ты понял. Из-за этого расстояния между вами, ты никогда не будешь с Ша Чунь! Но ты не мог смириться с тем, что на Ша Чунь может претендовать кто-то другой, поэтому ты придумал план — ты решил сделать так, чтобы она принадлежала тебе после смерти!

— Нет! — прорычал Линь Сючжи. — Это был не я! Я не убивал Ша Чунь! Вы подставляете невинного человека!

Минг Шу пролистал планшет перед собой, перелистывая фотографии. Ша Чунь была изображена на каждой из них.

В комнате Линь Сючжи под кроватью была найдена коробка. В коробке было полно распечатанных фотографий, и на всех была Ша Чунь. Все они были откровенными, и, судя по фону, Линь Сючжи несколько раз тайно провожал Ша Чунь с работы домой.

Кроме того, в художественной мастерской Линь Сючжи команда обнаружила множество спрятанных набросков Ша Чунь.

Линь Сючжи был чрезвычайно талантлив. Он был искусным каллиграфом, а также хорошим художником. Когда он создавал произведения искусства с именем Ша Чунь, его каллиграфия напоминала распутившийся цветок, колышущийся под весенним ветерком.

— Ты можешь доказать, что я не прав, — сказал Минг Шу, разводя руками и приглашая Линь

Сючжи говорить. — Скажи мне еще раз. Когда я пришел к Цзяньцзя Байлу в первый раз, почему ты так нервничал?

— Я только следил за ней! — заявил Линь Сючжи, его голос дрожал. — Худшее, что я когда-либо делал, это преследовал ее, ясно? Я никогда не домогался ее, я никогда не давал ей понять, что она мне нравится. Как я мог причинить ей вред?

Минг Шу покачал головой.

— Любить кого-то и хотеть причинить ему боль — это не взаимоисключающие чувства.

Через мгновение он продолжил:

— Где ты была в субботу вечером?

— Я был в школе...

— Ты не был в Цзяньцзя Байлу, и ты не был в Университете изящных искусств, — прервал его Минг Шу. — Мы уже проверили. Не тратьте время на эту ложь.

Линь Сючжи проглотил все, что собирался сказать. Некоторое время он молчал, прежде чем признаться:

— Я был рядом с театром Цзяннань. Я знал, что отдел народных инструментов устраивает представление, но они не продавали билеты на него. Я хотел посмотреть на Ша Чунь.

Он заикался и запинаясь, пока говорил, и взял паузу, прежде чем продолжить:

— Но с того момента, как их отдел прибыл и до того, как они уехали, я не видел Ша Чунь.

— А потом? — спросил Минг Шу.

— У меня было плохое настроение, поэтому я некоторое время не возвращался в свой университет.

— Ты, должно быть, куда-то ходил.

— Я просто гулял...

Минг Шу слегка нахмурил брови.

— Ты так и не объяснил, почему ты занервничал, когда я упомянул Ша Чунь.

— Я думал, Ша Чунь узнала, что я преследую ее, и вызвала полицию! — Слезы внезапно начали капать из глаз Линь Сючжи. — Я не... Я только потом узнал, что ее убили!

Сказав это, Линь Сючжи крепко схватился за лицо. Комната наполнилась его рыданиями.

В то же время Сяо Юань получил некоторые новости из их внутренней сети. В начале того года, в июне, полицейский пост Хулин в районе Дун отправился в Цзяньцзя Байлу, чтобы расследовать дело о пропаже человека.

Дело касалось мужчины по имени Ву Чжэнь. Сорок лет. Он учился в Цзяньцзя Байлу в апреле и мае, а затем ушел, потому что был недоволен курсами.

Местная полиция не ожидала, что Цзяньцзя Байлу имеет отношение к исчезновению Ву Чжэня. Они лишь для формальности навели справки.

А дело о пропаже человека все еще не было раскрыто.

<http://bllate.org/book/14859/1321916>